

Рецепция православной традиции в восточнославянских культурах

Ольга КУРБАЧЁВА,
кандидат философских наук

Православие в рамках восточного славянства сыграло фундаментальную роль в формировании его духовно-мировоззренческих доминант. Вместе с тем особенности историко-культурного генезиса и специфика межкультурной интерференции отразились на дифференцированном характере духовно-религиозных установок восточного славянства, породив различные измерения самой православной традиции.

Одним из важнейших консолидирующих элементов, повлиявших на возникновение и становление цивилизационной общности восточных славян и оказавших непосредственное влияние на формирование ее самобытности и характера цивилизации, выступает религиозный фактор. Безусловно, религиозное мироощущение, мораль, культовая практика глубоко интегрируются в общественном сознании и повседневной жизни народа, определяя специфику восприятия им себя, происходящего и должного.

Духовным основанием для восточного славянства является православие. Наряду с названием «восточнославянская цивилизация» используются такие наименования, как православная, русско-православная, восточнохристианская цивилизация. Это связано с тем, что на базе православия формируются

духовная культура, своеобразие ментальности восточных славян. Однако взаимосвязь субъектов восточного славянства и их приобщение к православию характеризуется открытостью и внутренней неоднородностью. Экзогенные факторы, проявляющиеся в большей мере в специфике этнокультурного и политического взаимодействия между славянскими и неславянскими народами, а также степень укорененности автохтонных традиций в общественном сознании становятся центробежными силами в понимании сущности православия. Это проявляется в дивергенции религиозных ценностей и связи с ортодоксальным учением. Поэтому, несмотря на общую православную принадлежность восточнославянских народов, в православии можно обнаружить три различных измерения, обуславливающих наличие линий духовно-религиозной неоднородности внутри самого восточного славянства. Попробуем эксплицировать различные измерения православия в рамках восточнославянской духовной традиции и осуществить концептуально-теоретический анализ причин дивергентных тенденций в духовном пространстве восточных славян.

В первую очередь, можно говорить об автохтонном статусе православия на уровне богословия и ортодоксального вероучения. В религиозном сознании населения Киевской Руси закрепляется канонический вариант православного вероучения, вы-

ОБ АВТОРЕ

КУРБАЧЁВА Ольга Владиславовна.

Родилась в г. Потсдам (Германия). Окончила Белорусский государственный университет (2006), аспирантуру БГУ (2011).

С 2006 по 2008 год работала в Минском государственном высшем радиотехническом колледже. С 2009 года — старший преподаватель кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Кандидат философских наук (2011).

Автор около 30 научных работ.

Сфера научных интересов: социальная философия, культурная антропология, история и теория культуры.

▲ «Четвёртый Вселенский Собор». Фреска храма Рождества Богородицы. Феропонтов монастырь в Вологодской области

строенный на основе византийского типа духовности. Принятое по византийскому образцу православие считалось единственным правильным вероучением, прославляющим Бога, и отличалось от латинско-католической веры рядом догматических принципов, послуживших основанием для обрядовых, этических, эстетических и институциональных различий, закреплённых схизмой христианской церкви в 1054 году [1, с. 17].

Православная церковь не разделяет притязания главы Римско-католической церкви на абсолютный статус лидера христианского мира и его непогрешимости в вопросах вероучения. С принятием православия в Киевской Руси сохраняется канонический догмат о Троице, заимствованный из византийской традиции, в соответствии с которым признаётся единство природы Бога при одновременной его троичности. На Руси, как и в Византии, не принимается католическое положение «И от сына» в догмате о Троице, в соответствии с которым Святой дух исходит как от Бога Отца, так и от Бога Сына [2, с. 278]. В дальнейшем в рамках православной традиции применяется практика богослужения на народных языках и используются переводы Священного Писания, что отдаляет православие от католи-

чества, использовавшего латинский язык вплоть до XVI века. Утверждается принцип Церкви как единого организма, представляющего собой систему автокефальных церквей с собственными патриархиями. Данная организационная особенность восходит к Халкидонскому собору 451 года, на котором были утверждены пять автономных патриархий, самостоятельно реализующих управленческие функции в соответствии со своим расположением. Единство и целостность Церкви сохранялись посредством Вселенских соборов и следования общецерковному преданию.

Однако сегодня в Православной церкви наблюдается расхождение в трактовке автокефалии церквей. Так, по мнению Л.П. Карсавина, «будучи Всеединством, Церковь должна выражаться во всех сторонах жизни и развития человечества, в частности – в индивидуализации его по культурам и нациям.... Только в гармоническом единстве национальных церквей, являющих каждая свой особый, ей одной ясно зримый и родной лик Вселенской Истины, полна и совершенна Церковь Христова» [3, с. 352]. При этом утверждается, что Православная церковь представлена именно Русской церковью, ревностно оберегающей древний культ и выражающей вселенско-православную идею: «В ней, а не в греческой, не в других славянских церквях доньше с наибольшей полнотой выражается вселенски-православная идея...» [3, с. 352]. Так же на поверхности обнаруживается структурное несоответствие русской и византийской позиций по вопросу наследия и канонической независимости церквей. Более того, ещё в XVI веке монахом Максимом Греком были выявлены несовпадения византийских и русских переводов греческих текстов, что отразилось на различиях в обрядовых практиках Греческой и Русской православных церквей [4, с. 3].

Сегодня наиболее остро это проявляется в интенциях Украинской православной церкви (УПЦ), ориентированной на автономию по отношению к Московскому Патриархату. В рамках украинского епископата, начиная с распада Советского Союза и обретения Украиной государственной независимости, актуализируется вопрос о канонической самостоятельности Украинской православной церкви и возвращении к исконному православию в виде исихазма,

кристаллизирующегося из византийской традиции аскетизма. Спор о предоставлении автокефалии Украинской православной церкви вышел за пределы внутрицерковного обсуждения и проявился на уровне вмешательства светской власти и обращения к Святейшему Варфоломею Вселенской Патриархии. Однако заинтересованность Константинопольского Патриархата не совпадает с представлениями Московского, в связи с чем обостряется диалог между патриархиями, а вопрос о признании канонической самостоятельности Украинской церкви остается открытым.

Проблема выработки единого согласованного мнения о предоставлении автономии Православной церкви связана также и с центробежными силами внутри самой Украинской православной церкви: отсутствует сбалансированная позиция между священством и папством относительно статуса митрополита УПЦ и необходимости предоставления ей канонической независимости по отношению к Московскому Патриархату. Вместе с тем, несмотря на нерешенность вопроса о независимом статусе, сегодня Украинская православная церковь выступает как правопреемница Киевского митрополита и обладает особым каноническим статусом, что отличает ее права от других самостоятельных церквей и приближает к автокефалии [5, с. 183].

Во-вторых, следует говорить о таком измерении православия, в котором Церковь сближается с образом политизированного института, когда религия, выполняя функции власти, становится ее инструментом и теряет духовные ориентиры. Безусловно, симфония светской и религиозной власти прослеживается в самой практике принятия христианства и византийском наследии. Так, для византийского типа духовности характерен теократический идеал власти, базирующийся на сопряжении имперского правления и христианского вероучения. По мнению К. Леонтьева, «византизм в государстве значит самодержавие» [6, с. 19]. Однако необходимо учитывать, что мировоззренческие основания двуединства Церкви и государства обнаруживаются в самом христианском вероучении: «Христианский догмат о Троице не только обеспечивает монотеистическое осмысление Бога, но и через раскрытие действия трех ипостасей: Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух Святой, в опосре-

дованном виде утверждает монархическое начало Троицы, устанавливая господство всеобщего над частным. Это послужило основанием для создания централизованного государства, обожествления власти абсолютного монарха-Автократа» [6, с. 10]. Вместе с тем в византийской традиции Церковь и государство сохраняют за собой право на автономию и, несмотря на взаимодействие, остаются противоборствующими институтами. В Киевской Руси рецепции византийского наследия претерпевают контекстуальные трансформации, что обнаруживается в содержательных и организационных отличиях русского и византийского типов духовности. Многие элементы даже светской византийской культуры вписывались в духовную христианскую традицию Киевской Руси. Особенно это прослеживается в интериоризации правовой культуры и государственности.

Однако следует отметить, что единство государства и Церкви в рамках восточного славянства проявляется на разных уровнях и в большей степени характерно именно для русской культуры. Мессианские идеи, заложенные в основе идеологии «Москва – Третий Рим», распространяются на политические представления Московского княжества, в результате чего провиденциалистские идеи трансформируются в аргументы имперской идеологии. Государство как институт власти и правитель наделяются особым значением: «Церковь не может быть отделена от государства, ибо Церковь уже содержит в себе государство: ее понятие догматически шире, чем понятие клира и усеченных в политическом естестве своем мирян» [3, с. 356]. Так политические права и статус князя, а затем царя, императора тесно переплетаются с религиозными представлениями и ценностями. Государь представлял собой сверхличностное воплощение Божьей власти, что проясняет этимологию слова «самодержавие»: власть, которая исходит из самой себя. Поэтому в первой статье Свода законов Российской империи можно встретить такое определение власти монарха: «Император Российский есть монарх самодержавный и неограниченный. Повиноваться его власти не только за страх, но и за совесть сам Бог повелевает» [7, с. 79]. Так православие в Московском княжестве, а затем в царстве и империи принимает обличье политиче-

ского института, который ориентирован на обоснование праведности воли государя и укрепления его статуса.

Однако интенции на мифологизацию и сакрализацию светской власти, конструированные на основе византийского наследия и мессианских представлений о роли государства, имели под собой и другое основание. Абсолютизация роли государства и нивелирование значимости личности сформировались ранее под влиянием татарских кочевников и привнесенных через них элементов китайской традиции. Доминирование государственных интересов в четко регламентированном церемониале и консервативных нормах китайской традиции в период кочевых завоеваний было интериоризовано в общественное сознание великороссов и политическую практику управления. Опосредованная интерференция с китайской культурой послужила основанием для ассимиляции идеи культа власти и государственности, а также для применения непосредственных технологий управления. Результатом монголо-татарского завоевания становится укоренение элементов идолопоклонства и раболепия перед государем, а также интериоризация системы бюрократических отношений в Московском княжестве и царстве, подчеркивающая абсолютную роль государства и незначительную роль отдельного человека.

Наиболее показательным воплощением восточного деспотизма, обрамленного в религиозные принципы мессианства, является самодержавие Ивана Грозного. Существенную роль в интеграции властных амбиций сыграл несторианский вариант христианства, в соответствии с которым светская власть и правители обожествлялись. С величием Ивана IV укрепляется как авторитет самодержавия, так и московских митрополитов, что подтверждается летописным сводом («Никоновская летопись», «Степенная книга»), в рамках которого прописывается происхождение царя от императора Августа.

Несмотря на то, что с середины XVI века в России утверждается сословно-представительная монархия, сближающая ее с европейскими монархиями, ригористический традиционализм препятствовал европеизации и приобщению к западным ценностям социально-политической жизни, что

отразилось на отсутствии демократических и либеральных ориентиров в политико-правовом сознании русской знати. Церковный традиционализм, иерархичность и централизованность, имперские амбиции и автократия власти существенно ограничивали перспективы демократизации русского общества.

Следует отметить, что данные феномены (мессианизм, культ власти, бюрократизация) характерны не для всех народов восточного славянства и, как было показано, отражают в большей степени особенности культурогенеза русской народности. Это обусловлено несколькими причинами. Во-первых, отсутствием элементов тюркского наследия в Великом Княжестве Литовском. А во-вторых, поликонфессиональностью белорусов и украинцев. Вместе с византийским обрядом христианства в восточном славянстве распространяется римский обряд (в Туровском княжестве, Великом Княжестве Литовском, Речи Посполитой), а также униатская церковь, которая сохраняла восточный обряд, но признавала верховенство Папы Римского (Речь Посполитая).

И, наконец, третьим измерением православия является его обусловленность архаическими верованиями, в результате чего религия выступает как своеобразный социокультурный компромисс. Так, православие можно рассмотреть как результат религиозной экспансии и ассимиляции аутентичного язычества. Христианское просвещение и социализация были длительными процессами трансформации ценностных установок архаической культуры. Крещение не было одномоментным актом: в народном сознании долгое время сохраняется языческая обрядность. Поэтому у восточных славян распространяется «двоеверие». Элементы языческих представлений в большей степени сохранились в тех сферах, которые были максимально значимы для человека и минимально регламентировались со стороны православных доктрин (бытовая жизнь).

Безусловно, нельзя утверждать, что архаические представления были полностью включены православием в свою систему ценностей. На момент крещения восточное христианство представляло собой разработанную религиозную систему, включающую догматы, каноны и богослужебную практику. Поэтому язычество не могло карди-

нально повлиять на догматическое учение Отцов Церкви и каноны, утвержденные на Вселенском Соборе. В результате архаические элементы в общественном сознании и традиционно-бытовой культуре восточных славян, сохраняющиеся после крещения, были пропитаны христианской символикой и не представляли собой свидетельство внецерковности общества. Образы языческого культа укореняются в народное сознание и формируется синкретическое мировосприятие, аккумулирующее автохтонные доминанты язычества и христианские ценности. Так, при синхронно-структурном рассмотрении древнерусского сознания верование представляет собой гетерогенный комплекс религиозно-мифологических представлений, в которых архаический культ уже не вычленялся из православных доктрин. Поэтому автохтонность православного учения выступает достаточно условным явлением, так как всегда присутствовал элемент компромисса с языческим культом. Наиболее показательным примером ассимиляции может послужить факт замещения языческих антропоморфных образов Перуна, Волоса, Мокوشي христианскими образами пророка Ильи, святого Власия, святой Параскевы-Пятницы и другими. Свидетельством религиозно-мифологического синкретизма также является канонизация Православной церковью русских князей под их традиционными именами Борис, Глеб, Игорь, Владимир, а не полученными после крещения.

Следует отметить, что в разных регионах православного мира наблюдаются различные степени проявления «народного христианства» и ассимиляции православия с языческой мифологией. Если для Московского княжества, а затем и царства характерна интенция на искоренение архаической духовной культуры через ревностное благочестие, то на территории Великого Княжества Литовского и Галицкого княжества религиозно-мифологический симбиоз был более распространенным явлением. Например, языческое верование было характерно и для политической элиты ВКЛ. Среди князей, поддерживавших в тот или иной период своей власти язычество, можно выделить таких, как Миндовг, Гедимин, Ольгерд. Это, безусловно, связано с тем, что централизованно крещение проводилось в Киеве и Новгороде, а за другими

княжествами оставлялось право для постепенного приобщения к христианским ценностям.

Таким образом, выявив и проанализировав основные измерения православия в рамках восточнославянской традиции, можно отметить, что однозначная ориентация на религиозную идентичность, отождествление восточных славян с единой православной традицией представляет собой односторонний взгляд на сущность восточного славянства. Во-первых, православие само подвержено дивергенции. В нем обнаруживаются три различных измерения: православие как автохтонное учение, двуединство православия с институтом государственной власти и православие как «социокультурный компромисс». Каждое из измерений проявляется особым образом и отражается в непосредственном локальном варианте духовно-религиозного выбора каждого субъекта восточного славянства. Во-вторых, восточнославянская цивилизация выходит за пределы одной конфессии, а предполагаемое призвание православия восстановить утраченное единство человечества ограничено другими религиями, превышающими его по числу приверженцев (ислам, буддизм, католичество), а также немалым числом представителей атеистических взглядов. Вместе с тем обозначенные измерения ни в коем случае не отрицают фундаментальную значимость православия в становлении восточнославянской цивилизации и формировании ее идентичности, однако позволяют увидеть многогранность и рельефность духовной культуры восточных славян. ─

ЛИТЕРАТУРА

1. Большаков, В.П. Своеобразие русской культуры в историческом развитии / В.П. Большаков, Т.В. Володина, Н.Е. Выжлецова; под ред. В.П. Большакова. – Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2002. – 192 с.
2. Фроянов, И.Я. Киевская Русь: очерки социально-экономической истории / И.Я. Фроянов. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. – 159 с.
3. Карсавин, Л.П. Путь православия / Л.П. Карсавин // Малые сочинения / Л.П. Карсавин; сост., науч. подгот. и коммент. С.С. Хоружего. – СПб.: Алетейя, 1994. – С. 343–361.
4. Громов, М.Н. Вечные ценности русской культуры: к интерпретации отечественной философии / М.Н. Громов // Вопросы философии. – 1994. – № 1. – С. 54–61.
5. Гудзяк, Б. Релігійне життя на Україні у перші п'ять років незалежності / Б. Гудзяк. – Львів: ПЦ, 2000. – С. 165–185.
6. Леонтьев, К.Н. Византизм и славянство: сб. статей / К.Н. Леонтьев. – М.: Хранитель, 2007. – 571 с.
7. Яковлев, А.М. Российская государственность (историко-социологический аспект) / А.М. Яковлев // Общественные науки и современность. – 2002. – № 5. – С. 78–93.